ПАМЯТЬ НА ПРОКАТ

П · С · И · Х · О · Л · О · Г · И · Ч · Е · С · К · А · Я · П · О · В · Е · С · Т · Ь

Юрий Марушкин

Память на прокат

«Автор»
2026

Марушкин Ю.

Память на прокат / Ю. Марушкин — «Автор», 2026

Порой то что мы помним, является самым ценным, в не зависимости от того плохое это или хорошее...

© Марушкин Ю., 2026
© Автор, 2026

Юрий Марушкин
Память на прокат

ПАМЯТЬ

НА ПРОКАТ
Повесть

ПРОЛОГ. КВИТАНЦИЯ

В квитанции было написано: «Передача аффективно-сенсорного массива завершена успешно. Источник: Мира Рощина. Категория: утрата первой степени. Степень резонанса: высокая. Срок лицензии: двенадцать месяцев с автоматической пролонгацией согласно пункту 7.4». Ниже стояла цена — триста восемьдесят тысяч рублей — и кнопка «Я согласна».

Мира нажала её не сразу.

В кабинке было слишком чисто. Белые стены, кресло с подголовником, стакан с водой, на котором не оставалось следов от пальцев. За матовым стеклом двигались силуэты людей: кто-то смеялся, кто-то говорил по телефону, кто-то плакал так тихо, что плач казался работой вентиляции. На экране перед Мирой всплывали короткие фразы, написанные мягким голубым шрифтом.

«Воспоминание не удаляется».

«Вы сохраняете право на личную историю».

«Передавая память, вы помогаете другим понять то, что раньше было для них недоступно».

«Вы можете остановить процедуру на любом этапе до финального подтверждения».

Последняя строка была честнее остальных. Остановить можно было до финального подтверждения. После него остановить можно было только многое другое: оплату за учёбу, долги за квартиру, звонки от деканата, собственное дыхание, когда читаешь письмо с темой «Ваше место будет передано следующему кандидату».

Мира коснулась кнопки кончиком пальца.

— Подтверждено, — сказал спокойный женский голос. — Пожалуйста, закройте глаза. Мы не забираем вас. Мы бережно сохраняем то, с чем вам пока трудно быть одной.

Эта фраза была придумана хорошо. Её, вероятно, тестировали на людях, которые уже решились, но хотели услышать, что решились по собственной воле.

На виски опустились холодные датчики. Внутри зажглось нечто похожее на воспоминание о морской волне: темнота качнулась, запахло мокрой шерстью, лекарством и маминими руками, которые всегда пахли мандариновой цедрой, даже летом. Мира успела подумать, что надо сказать «нет».

Потом вспомнила коридор районной больницы. Серый пластик стульев. Куртку матери, сложенную на коленях. Мамин телефон, который звонил в кармане, хотя мама уже не могла взять трубку. Снег за окном, падавший огромными хлопьями, как в плохом фильме. И собственный голос — семнадцатилетний, злой от ужаса: «Мам, ну пожалуйста, открой глаза. Ты же обещала, что мы поедем на море».

Где-то в этом месте память обычно разрывалась. Не заканчивалась — просто превращалась в белый шум, который Мира носила в себе три года. От него хотелось уйти на другую сторону улицы, когда слышала сирену. От него она не могла смотреть на синие больничные бахилы. От него в ноябре всегда болело горло, хотя простуды не было.

Теперь белый шум собрался в тонкую сияющую нить и потянулся куда-то за неё.

Мира вцепилась в подлокотники.

— Больно? — спросил голос.

— Нет, — соврала она.

И это оказалось правдой. Боль не исчезла; она просто перестала быть её адресом.

Когда процедура закончилась, Мира открыла глаза. На экране возникла зелёная надпись: «Материал принят в хранилище. Благодарим за доверие».

Секретарь в сером костюме принесла ей чай и сказала, что перевод поступит в течение часа. Мира кивнула. Она ждала облегчения, слёз, хоть чего-нибудь. Но чувствовала только лёгкую пустоту, похожую на ту, что остаётся в комнате, когда вынесли тяжёлый шкаф и пыль под ним ещё не успела лечь.

Выйдя на улицу, она купила кофе у метро. Бариста спросил, какой сироп добавить. Мира хотела ответить: «Без мандарина». Потом не смогла вспомнить, почему слово «мандарин» показалось ей опасным.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КАБИНА № 7

Компания называлась «Мнемосеть». Её логотип — золотая линия, складывающаяся в силуэт мозга и бесконечности, — висел над входом в бывший банк на Садовом кольце. Ещё пять лет назад здесь выдавали ипотеку; теперь предлагали возможность временно передать часть своей жизни тем, кому она могла пригодиться.

В рекламе всё звучало почти благородно. Молодой режиссёр арендовал воспоминание о первом поцелуе и наконец снял сцену, которая «не выглядела сыгранной». Женщина после аварии брала на короткий курс чужой опыт панической атаки, чтобы понять мужа. Пожилой мужчина, потерявший вкус к музыке после инсульта, слушал детство пианистки и плакал от того, что снова мог представить себе звук дождя по подоконнику. «Мнемосеть» называла это эмпатическим обменом. Внизу всегда была мелкая приписка: «Все фрагменты обезличены, лицензированы и проходят этическую экспертизу».

Мира увидела рекламу в конце августа, когда получила письмо из Института визуальных коммуникаций. Её приняли на бюджетное подготовительное отделение, но на основной курс требовалась оплата за материалы, общежитие и обязательная страховка оборудования. Сумма не была фантастической. Оттого она и казалась особенно безжалостной: такой, которую можно собрать, если продать ноутбук, работать по ночам, занять у знакомых и перестать есть всё, кроме гречки. Но Мира знала, что не сможет просить у тёти Гали. Тётя и так после маминой смерти помогала, чем могла, а могла она мало.

В анкете «Мнемосети» был вопрос: «Есть ли у вас воспоминание, обладающее выраженной эмоциональной и сенсорной связностью?» Мира сначала посмеялась. Потом сидела над этим вопросом до трёх ночи.

Связность у памяти о смерти матери была почти физической. Она приходила к ней не словами, а набором вещей: рукав маминого пальто, тусклая лампа, чужая рука с кольцом на большом пальце, запах антисептика. Иногда Мира могла прожить несколько недель, не вспоминая ничего. Потом в автобусе кто-нибудь открывал мандарин, и её сгибало так, что приходилось выходить на ближайшей остановке.

Она прошла предварительный скрининг по видеосвязи. Консультант, молодой мужчина с голосом преподавателя йоги, уточнил, не было ли у неё попыток причинить себе вред, не принимает ли она препараты, есть ли близкий человек, который знает о решении. На последний вопрос Мира сказала «да», хотя никому не сказала.

— Передача тяжёлой памяти может дать ощущение отстранения, — предупредил консультант. — Обычно оно проходит в течение двух-трёх недель. Мы не избавляем человека от прошлого, понимаете? Мы отделяем интенсивность от биографической структуры. Вы по-прежнему будете знать, что событие произошло.

— А если я не хочу знать так сильно?

Он улыбнулся профессионально, не слишком тепло.

— Тогда вы выбрали корректную услугу. У нас есть разные режимы: терапевтическое хранение, творческая лицензия, временный доступ. Для вас рекомендована ограниченная творческая лицензия с поддерживающим сопровождением.

Слово «ограниченная» Мира запомнила. Позже она поймёт, что запомнила его не там, где следовало.

В день процедуры она взяла с собой мамин шарф. Старый, бордовый, с затяжкой на краю. Шарф лежал в ящике три года; Мира не носила его, но не могла выбросить. Перед кабинкой № 7 медсестра в серой форме попросила оставить личные предметы в шкафчике.

— Это поможет? — спросила Мира, прижав шарф к себе.

— Если предмет связан с воспоминанием, он может улучшить точность выделения. Но решение за вами.

Мира положила шарф в шкафчик. Ей показалось, что вместе с ним она запирает там какую-то версию себя — ту, которая всё ещё умела без предупреждения расплакаться на лестнице больницы.

После процедуры консультант по имени Аркадий объяснил ей правила восстановления.

— В ближайшие дни избегайте повторной стимуляции: не ходите в места, связанные с фрагментом, не пересматривайте фотографии, не употребляйте алкоголь. Если появится ощущение, что вы забыли важную деталь, не пугайтесь. Память не исчезла, она проходит ребалансировку.

— А если я вообще перестану помнить?

— Это невозможно по протоколу. Ваше воспоминание остаётся у вас в биографической карте. Меняется лишь острота доступа.

— Как зуб без нерва?

Аркадий на секунду перестал улыбаться.

— Скорее как шрам, который не болит при каждом прикосновении.

Мира хотела сказать, что шрамы часто болят перед дождём. Но не сказала. Ей пришло сообщение от банка: деньги зачислены. Она вышла из «Мнемосети», села на парапет у входа и заплатила за первый семестр прямо с телефона.

Потом позвонила тёте Гале.

— Меня приняли, — сказала она.

— Солнышко, я знаю. Как ты всё устроила?

Мира посмотрела на поток машин. Ответ был простым, но почему-то казался чужим.

— Подработку нашла.

Тётя Галя обрадовалась, и Мире стало стыдно. Не за ложь даже. За то, что она не могла вспомнить, чего именно в этой истории боится.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЦЕНА ЛЁГКОСТИ

Первые недели после передачи прошли лучше, чем Мира ожидала. Она поселилась в общежитии, научилась ездить через полгорода на занятия, ночами вырезала шрифтовые макеты и пила растворимый кофе из бумажных стаканчиков. В институте никто не знал, что она сделала. Там вообще было принято говорить о себе так, будто все прошлое — лишь удобный материал для портфолио: «Я из маленького города», «Я пережила токсичные отношения», «Я работал курьером и понял город». Мира слушала и думала, что тоже могла бы сказать: «У меня умерла мама». Но фраза теперь была плоской, как подпись под чужой фотографией.

Сначала это казалось подарком. Она могла проходить мимо аптек, больниц и отделов с мандаринами. Могла услышать сирену и не искать взглядом ближайшую стену. В ноябре — в тот месяц, когда мать умерла, — она не заболела и не пропустила ни одной пары. Она впервые

сдала проект вовремя, получила похвалу от преподавательницы по композиции и купила себе красные кеды, на которые раньше пожалела бы денег.

— Ты как будто легче стала, — сказала соседка по комнате Вика.

Вика училась на факультете социологии, носила зелёные волосы до плеч и знала о людях слишком много для двадцати одного года. Она не лезла в чужие вещи, но умела заметить, если человек переставлял будильник на три часа ночи или ел йогурт ложкой для супа.

— Это плохо? — спросила Мира.

— Нет. Просто у тебя раньше было лицо человека, который всё время с кем-то спорит. А теперь как будто перестала.

Мира усмехнулась.

— С кем спорила?

— Не знаю. С призраком, с прошлым, с системой здравоохранения.

— С системой здравоохранения точно можно спорить.

Вика засмеялась, но потом посерьёзнела:

— Ты ведь ходила в эту «Мнемосеть», да?

Мира замерла с чашкой в руках.

— Почему ты решила?

— Ты однажды сказала, что запах мандаринов вызывает у тебя приступы. А вчера ты принесла мандариновый чай и даже не заметила. И ещё у них внизу в договоре есть про «постпроцедурную стабилизацию». Я писала курсовую про рынок аффективных данных.

Мира почувствовала раздражение — не потому, что Вика ошиблась, а потому, что попала точно.

— Это моё дело.

— Конечно. Прости. Я не хочу тебя отговаривать задним числом. Просто если станет странно, скажи.

— Уже не станет.

Она произнесла это уверенно. Но вечером, вернувшись в комнату, открыла на телефоне папку с фотографиями. Мама улыбалась на даче, держала в руках кривой пирог. Мама стояла на балконе с чашкой чая. Мама спала в поезде, запрокинув голову. Мира смотрела на фотографии и понимала: это её мать. Однако на месте, где должна была возникнуть тоска, было пусто.

Не спокойствие. Не принятие. Именно пустота.

Она пролистала снимки до последнего — больничного, где случайно попал край бордового шарфа. Палец остановился. В голове мелькнуло: «Нина Рощина. Пятьдесят два года». И ещё: «Смерть от острого нарушения…» Дальше она не смогла вспомнить даже слова.

Мира закрыла телефон. Ей хотелось заплакать, потому что плакать было бы правильно. Но слёзы не пришли. Вместо них возникла досада, будто она забыла купить важную вещь и не могла понять какую.

Наутро пришло письмо от «Мнемосети»: «Поздравляем! Ваш материал успешно прошёл этическую модерацию и доступен для лицензирования в пределах выбранного вами режима. Спасибо, что делаете эмпатию доступнее».

Внизу письма была кнопка: «Посмотреть статус материала».

Мира нажала её, потом долго смотрела на загрузочный круг и решила, что не хочет знать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАТАЛОГ ОТСУТСТВИЙ

Она всё-таки вернулась к письму через месяц. Ночь была бессонная, Вика уехала к брату, за окном общежития дребезжал мусоровоз. Мира сидела на подоконнике, укрывшись пледом, и убеждала себя, что ей просто любопытно. Любопытство было безопасным словом. Оно не требовало признавать, что ты боишься увидеть собственную боль в чужих руках.

Личный кабинет «Мнемосети» встретил её тем же золотым знаком бесконечности. В разделе «Мои материалы» стояла одна строка: «Рощина М. Н. Фрагмент 04-11/Т. Категория: утрата первой степени. Статус: активен». Рядом мигала цифра 12.

Мира нажала на неё.

«Количество завершённых сессий: 12. Терапевтические: 9. Исследовательские: 2. Творческие: 1».

Ни имён, ни описаний. Только часы доступа, общая оценка резонанса и безликие отзывы, которые, согласно договору, могли видеть доноры.

«Помогло пережить разговор с сыном».

«Слишком интенсивно, но важно».

«Теперь понимаю, почему жена не отвечала мне в последние дни».

«Материал обладает редкой бытовой достоверностью. Рекомендовано для работы со сценой прощания».

Последняя фраза была отмечена значком творческой лицензии. Мира перечитала её пять раз. «Бытовая достоверность» — так можно было сказать о кухонном шуме в фильме или о старом ковре в декорациях. Так теперь говорили о том, как она держала мамин шарф на коленях.

Она попыталась открыть условия доступа. Система попросила подтвердить личность, потом показала несколько страниц мелкого текста. Вика была права: договор оказался длиннее, чем Мира помнила. Пункт 7.4, на который ссылалась квитанция, занимал всего четыре строки: «В случае востребованности материала в целях, не противоречащих исходному режиму, срок творческой лицензии автоматически продлевается до окончания производственного цикла произведения. Донор уведомляется в пределах технической возможности».

«В пределах технической возможности». Письмо за месяц до этого, оказывается, считалось уведомлением.

На следующий день Мира пошла в филиал. Аркадий принимал по записи, но девушка на ресепшене увидела отметку «высокий резонанс» и провела её без очереди. Это насторожило Миру сильнее, чем грубость могла бы насторожить.

— Ваш материал ценен, — сказал Аркадий, просматривая данные на планшете. — Это нечасто бывает при первичной утрате. Обычно люди передают набор ощущений, а у вас — очень ясная структура.

— Я хочу знать, кто его взял.

— По закону мы не раскрываем личности пользователей.

— Но они могут использовать мою жизнь для романа?

— Не вашу жизнь. Аффективный контур. Это разные вещи.

— Чем?

Аркадий чуть наклонил голову, как будто преподаватель, которому задали простой, но важный вопрос.

— Биографическая информация удаляется ещё на этапе обработки: имена, адреса, узнаваемые лица, последовательность внешних обстоятельств. Пользователь получает не событие, а переживание события. Например, ощущение, когда вы ждёте новости и уже знаете, что она будет плохой. Или невозможность снять пальто в больничном коридоре. Это не принадлежит никому одному.

— Мне принадлежит.

Он не спорил. Это раздражало сильнее, чем спор.

— Ваше право на собственную интерпретацию не оспаривается. Но переживание, освобождённое от идентифицирующих признаков, может помочь другому человеку. В этом и смысл сервиса.

— Я могу забрать материал?

Аркадий посмотрел на экран.

— Можете инициировать отзыв. Но все уже выданные лицензии сохраняются до завершения срока. И есть технические ограничения: после нескольких терапевтических сессий исходная запись проходит адаптацию. Мы вернём вам резервную копию, но эмоциональная интенсивность может восстанавливаться постепенно.

— Что значит «постепенно»?

— Значит, не ждите, что завтра проснётесь и всё снова будет так же.

Мира вышла из кабинета и едва не налетела на женщину с мальчиком лет десяти. Мальчик держал мать за руку обеими руками и смотрел на вывеску «Комната восстановления».

— Ты точно хочешь? — спросила женщина.

— Я хочу понять, почему папа плачет, — ответил он.

Мира прошла мимо. На улице пахло жареным каштаном, мокрым асфальтом и чем-то сладким. Она вдруг вспомнила, как мама учила её в детстве отличать запах дождя от запаха пыли после дождя. Вспомнила — и тут же не смогла представить мамин голос.

Она остановилась у витрины, закрыла глаза и попыталась воспроизвести хотя бы одно слово. «Мира, ты опять…» Что «опять»? Слишком быстро идёшь? Сутулишься? Не ешь утром?

Фраза не пришла.

Вместо неё в памяти зазвенел чужой, ровный голос Аркадия: «Эмоциональная интенсивность восстанавливается постепенно».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. РОМАН, КОТОРОГО ОНА НЕ ПИСАЛА

Год спустя Мира увидела мамину смерть на книжной обложке.

Точнее, сначала она увидела название: «Дом, в котором не звонит телефон». Обложка была серой, с маленьким оранжевым квадратом окна. Автор — Лев Миронов, лауреат всех премий, которые Мира знала по афишам в метро. Книга лежала стопкой у кассы большого книжного на Тверской. Над ней висела табличка: «Роман года. Уже 120 000 читателей».

Мира взяла экземпляр без всякой причины. На обороте было написано: «История девушки, потерявшей мать и обнаружившей, что горе — это не отсутствие человека, а присутствие всех вещей, которые продолжают его ждать». Фраза была хорошей. Настолько хорошей, что Мира почувствовала к ней отвращение.

Она открыла книгу на случайной странице.

«В больничном коридоре пахло не лекарством, а мокрой шерстью. Девушка сидела, не снимая пальто, потому что если снять пальто, придётся признать: она пришла надолго. На коленях лежал шарф цвета тёмного вина. Телефон в его кармане звонил и звонил, словно тот, кому он принадлежал, просто вышел ненадолго».

Книжный шум вокруг исчез.

Мира перечитала абзац. Потом следующий. Героиня романа называлась Яна. Её мать умерла не от инсульта, а от рака; больница была в другом городе; шарф в книге был синий. Никаких фактов, по которым можно было бы заявить о краже. Но каждое движение в сцене было её движением. Она держала пальто, потому что замёрзла и потому что не понимала, что делать с руками. Она слышала телефон. Она смотрела на бордовый шарф и думала, что мама терпеть не могла бордовое, но всё равно купила его на распродаже.

Мира закрыла книгу так резко, что продавец у кассы поднял голову.

— Вам завернуть? — спросил он.

— Нет.

Она положила роман на стол и вышла. На улице шёл первый снег. Люди поднимали воротники, машины ползли в красных огнях. Мира шла быстро, не понимая, куда. В груди было знакомое давление, но его источник потерялся. Будто она услышала любимую песню на языке, который больше не знает.

В общежитии Вика застала её на полу у кровати. Перед Мирой лежал раскрытый роман, рядом — ноутбук с личным кабинетом «Мнемосети».

— Вот, — сказала Мира и ткнула пальцем в страницу. — Это было у меня.

Вика прочла абзац, потом ещё один. Её зелёные волосы были собраны в небрежный хвост, на щеке остался след от подушки.

— Тебе нужно к юристу.

— К какому юристу? Там всё обезличено. У неё рак, у меня… у меня вообще не могу вспомнить что. Шарф другого цвета. Они всё поменяли.

— Сцена могла совпасть.

— Не могла.

Вика посмотрела на неё внимательно.

— Ты уверена?

Вопрос был осторожным, но Миру он ранил. Уверена ли она? В том-то и ужас, что ей приходилось доказывать даже самой себе. Она знала: мама умерла. Знала дату, записанную в документах. Знала, что продала воспоминание. Но чем дольше она смотрела на текст Миронова, тем меньше могла отличить собственное знание от слов, которые ей подсунула книга.

— Там ещё есть мандарины, — сказала она. — На сорок третьей странице. И звук бахил по полу. И фраза «ты же обещала море». Я сказала это маме. Я.

Вика взяла её за плечо.

— Хорошо. Тогда будем исходить из того, что ты права.

— А если я не права?

— Тогда всё равно надо понять, почему ты читаешь чужой роман и чувствуешь, что он забрал у тебя голос.

Они нашли сайт издательства. В интервью Лев Миронов рассказывал, что работал над «Домом…» четыре года и использовал «новейшие эмпатические технологии» для исследования утраты. Он благодарил «Мнемосеть» за «доступ к человеческой правде, не испорченной литературными штампами».

Мира прочла эту фразу и вдруг рассмеялась. Смех вышел сухой, безрадостный.

— Не испорченной штампами, — повторила она. — Значит, моя мама была хорошим сырьём.

Вика закрыла ноутбук.

— Завтра мы идём читать договор. Не глазами человека, который подписывает, потому что ему нужны деньги. Глазами человека, которого пытаются убедить, что это нормально.

Ночью Мира не спала. Она пыталась вспомнить лицо матери в больнице. В романе Яна смотрела на мать через стекло палаты. Мира не помнила, было ли стекло у неё. В романе мать улыбалась в последний раз. Мира не помнила, улыбалась ли Нина.

И от этого ей было так страшно, словно она второй раз оставила мать одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.